

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда готовилось к публикации это интервью со Львом Александровичем, в новостных колонках прозвучало, как выстрел: умер...

И как-то не хочется верить в это. И хочется возразить: нет, он ушел, как старец, как Лев Толстой из Ясной Поляны. Быть такого не может, не должно, что этого человека нет с нами.

Вернее, он теперь с нами навсегда, словно добрая память о друге, о человеке с большой буквы.

Многие пишут: ушла эпоха. И это воистину так. Эпоха, да еще какая!

Послужной список Льва Аннинского огромен. Вот лишь немногие штрихи из его творческой биографии: работал в журналах «Советский Союз», «Знамя», «Литературное обозрение», в «Литературной газете», вел циклы передач на телеканале «Культура». Член редколлегии журнала «Дружба народов», преподавал в Институте журналистики и литературного творчества и Международном университете в Москве. Автор

многих книг, в том числе «Ядро ореха: Критические очерки», «Барды», «Красный век». Кавалер ордена «Знак почета», лауреат ряда литературных премий, национальной телевизионной премии ТЭФИ. Член Союза российских писателей, ПЕН-клуба. Член жюри литературной премии «Ясная Поляна», член Союза кинематографистов и так далее.

Долгое время Лев Александрович вел в журнале «Юность» «Заметки нетеатрала». Их публикации ждали, звонили, спрашивали: когда выйдет? А последняя публикация Льва Александровича в нашем журнале посвящена творчеству его земляка, поэта из Ростова-на-Дону Виктора Петрова. Судьба словно закольцевала сюжет его многотрудной жизни...

Незаменимых людей не бывает. Лев Александрович незаменим. Но с нами останутся его передачи и книги. И, наверное, этот фрагмент из последнего интервью, который мы вам и предлагаем в качестве своего рода эпитафии на смерть замечательного критика, бесконечно любимого и дорогого нам человека.

ЛЕВ АННИНСКИЙ: «КОГДА СМЫСЛА НЕТ — ПЫТАЮТСЯ ЕГО НАЙТИ»

Нынешний год — Год театра в России. И так совпало, что еще он юбилейный для известного литературного критика Льва Аннинского — ему 85 лет. Что думает автор «Заметок нетеатрала» о влиянии театрального искусства на взаимоотношения человека с миром?

— Лев Александрович, что для вас театр и как он вошел в вашу жизнь?

— Как кино вошло в мою жизнь, понятно. Мой отец пошел работать на Мосфильм. И когда ушел на фронт добровольцем, он ушел с Мосфильма. Это кино. А театр откуда? Никакого театра и быть не могло в ту пору. Чтобы посмотреть какой-нибудь спектакль, надо ехать чуть ли не на Киевский вокзал с Мосфильма, с Потьелихи. Потом война. Мой дядя по матери успел нас эвакуировать в Свердловск, где мы прожили с лета 1941 по лето 1943 года. Именно там возник театр в моей жизни, потому что в Свердловске, в эвакуации, был Театр Красной Армии. И моя тетка устроилась туда работать вахтершей. Она-то меня и водила. И вот тогда я вдруг почувствовал, что на сцене происходит что-то удивительное. Один замечательный спектакль я запомнил на всю жизнь — «Давным-давно». И ком-

позитора, конечно, запомнил — Тихона Хренникова. И эту Шурочку Азарову — Любовь Добржанскую. До сих пор помню имя и фамилию этой великой актрисы. Вот так вошел театр в мою жизнь.

Я вернулся в Москву, и театр исчез — вроде бы навсегда. Но когда я стал журналистом, мне сказали: «Давай пиши о театре тоже». Я начал ходить в театр и понял, что там происходят великие вещи. Там происходит обновление режиссуры. Там возник новый театр — «Современник». И Олег Ефремов, который собрал вокруг себя с десятков единомышленников, действительно обозначил уже не то, что было прежде, а именно новый какой-то театр. Станиславский (понимал он это или нет — неважно) и Немирович-Данченко через роли, через театральные постановки боролись за совершенно новое понимание человека, за понимание человека как интеллигента, интеллектуала, который имеет право судить наличную реальность. Ни в Малом, ни у Вахтангова этого не было с такой силой и яркостью. А «Современник» предъявил нам театр, который говорил: мы вместе с вами именем нравственности, именем правды, именем духовного нашего состояния судим эту реальность. Реальность была понятно какая: военная, послевоенная,

*Лев Аннинский.
Юность. Навсегда*

с ГУЛАГом, с миллионами смертей, с похоронками. Вот на этом фоне нужно было предъявить человека чести, человека убеждений — одним словом, все то, с чего начинался «Современник», театр, который на всю жизнь обозначил для меня мою душевную реальность. Потом выяснилось, что и «Современник» — это не последнее слово в театральном откровении, что и после «Современника» что-то может обновляться. И появилась совершенно новая реальность, где Станиславский с его системой, которую нельзя было нарушать, отошел как нечто сугубо советское. Тогда стало ясно, что могут быть совершенно другие театральные традиции, которые не вписываются в систему Станиславского, но которые несут людям какое-то новое ощущение реальности.

— *Некоторые считают, что «психологический театр умер, мы только забыли его похоронить». Вы с этим согласны?*

— Нет, конечно, я с этим не согласен. Те, кто действительно в это верит, пусть хоронят — их дело. Для них это все умерло. Но если я смотрю в театре то, что сигнализирует мне, что душа человеческая бессмертна, — ну конечно же я это воспринимаю. Мы не можем обойтись без верований в высокое. Только это высокое может быть иным, чем мы привыкли. Раньше говорили: «Бога нет», — и это великое откровение.

Сейчас говорят: «Бог есть», — и это великое откровение. А завтра еще что-нибудь скажут. Скажут — слушаем. И подумаем.

— *Наш театр все еще находится в состоянии кризиса или уже выходит из него?*

— Нет, театр никакого кризиса не знает. Залы полны, и театров много, и театры новые образуются. Какой же кризис? Это в кино кризис. В литературе кризис. В театре я не вижу кризиса.

Современный театр поднимает важные проблемы: как человеку найти свою систему, свою почву, своих единомышленников, которые бы не предали, как в нынешней ситуации человеку вернуть его достоинство.

Я не очень осведомлен, что делается в театрах по всей России, но когда что-то привозят, я смотрю: где ищут смысл. А когда смысла нет — пытаются его найти. Или кричат: «Его нет, его нет! Давайте все разденемся!» Разделись. Все равно нет... Ну, что вы хотите? Столько систем накрылось: все эти социализмы, все эти капитализмы... Нужны какие-то новые системы. Человечество их будет вырабатывать. И мы тоже. Пока не выработаны, но будут же вырабатываться, иначе не будет человечества... сойдет на нет. Я не пессимист, не оптимист, я — фаталист.